

Проведенный анализ точек зрения относительно понятия и сущности правовых ограничений и свой подход к рассматриваемой проблеме позволяет выделить их основные признаки:

- носят нормативно-правовой характер, то есть подлежат закреплению в действующем законодательстве;
- создают неблагоприятные (а иногда и сверхнеблагоприятные) условия для удовлетворения собственных интересов субъектов, направлены на их сдерживание и одновременно на удовлетворение интересов контрагентов, либо охраняемых государством общественных интересов;
- выражаются в уменьшении объема прав (свобод, иных возможностей) субъекта;
- реализуются, как правило, посредством общих правовых запретов и позитивных обязываний;
- находят выражение в таких правовых средствах, как приостановление, установление лимитов, цензов, наказания, мер принуждения (пресечения) и т.д.;
- направлены на сдерживание противоправного или нежелательного для государства поведения личности, защиту общественных интересов.

Бутько Людмила Васильевна,
профессор кафедры конституционного и
муниципального права Юридического института НИУ «БелГУ»,
д. ю. н., профессор;
(Белгород, Россия)

Лепешкина Ольга Викторовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного аграрного университета,
к. ю. н., доцент
(Краснодар, Россия)

СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМА В ПРАВЕ

Перспективы обновления в современном мире просматриваются сквозь призму общих тенденций развития государства и права. Суть одной из них состоит в преемственности того лучшего, что было накоплено предыдущим опытом функционирования, что проявляется, прежде всего, в цивилизационном традиционализме государства и общества. Начиная с 90-х годов XX века преобразования российского государства и права ознаменованы забвением российских цивилизационных традиций и отдаванием предпочтения зарубежным либеральным ценностям. Это обусловлено происходящей в мире интернационализацией общества и системы социальных регуляторов в разных про-

странственных конфигурациях, как одного из форматов воплощения идей политико-правового универсализма. В итоге между интернационализацией и традиционализмом сложилось известное противоречие, отразившееся в исследованиях проблем юридической науки. Влияние было оказано, в том числе, и на науку конституционного права, на содержание его норм и институтов, на трансформацию предмета конституционно-правового регулирования.

Такое противоречие наблюдается в сравнениях не только концептуального толка, но и в сопоставлении норм российского права с нормами международного права, норм Конституции России с нормами конституций зарубежных стран. Сравнения свидетельствуют о том, что в течение двадцати лет действия Конституции РФ 1993 года нарастали и преобладали явления интернационализации. Последние годы ознаменованы стремлением к восстановлению российского традиционализма, что подтверждается изменениями предмета общеправового регулирования, как одной из главных категорий юридической науки.

Предмет правового регулирования, как ключевое явление юриспруденции, преподносит исследователю инструмент, позволяющий отслеживать большие и малые процессы изменения сущности, содержания, структуры жизненных процессов и predetermined ими социальных регуляторов. На основе и с учетом закономерностей изменения предмета правового регулирования формируются механизмы трансформации всех компонентов правового пространства, где влияние интернационализации и традиционализма должно быть наиболее сбалансированным.

Изменения сути общественных отношений, как последствия интернационализации в современный период истории продиктованы тем, что каждому государству, каждому человеку и обществу в целом требуются новые механизмы защиты от нарастающей глобализации: от глобализующейся экономики, приведшей в конечном итоге к непостижимому социальному расслоению не только внутри стран, но и в международных, региональных масштабах; от подрыва отечественных морально-психологических ценностей (таких как патриотизм, любовь к Родине, к своей истории, к военным победам, готовность защищать их даже ценою жизни); от очагов военных действий, возникших при содействии и активном участии сторонников глобализации; от международного терроризма, внедряемого в мировое сообщество в разных форматах и под разными лозунгами, признанного всепланетарной угрозой; от экологических бедствий, проявляющихся в разных формах и видах на всем земном пространстве и др.. Все перечисленные явления с достаточными основаниями можно признавать последствиями интернационализации, если определять ее как расширение, распространение процесса или сферы дея-

тельности за пределы одного государства или региона мира, вовлечение в эти процессы или сферы деятельности широкого круга участников¹.

Интернационализация как явление, объявленное для распространения в сфере экономики, очень скоро проникла в правовую среду не только потому, что экономическая интернационализация могла быть обеспечена посредством правового инструментария, но и тем, что с ее помощью произошло проникновение (добровольное или принудительное) норм международного права в национальные правовые пространства. Поэтому процессы конвергенции в праве протекали исключительно по правилам интернационализации, а развертывание правовой глобализации явилось диалектически взаимосвязанным с интернационализацией и свидетельствует об объединении обоих процессов.

Остановимся на некоторых результатах интернационализации.

1. Под воздействием глобализации изменилось все информационное правовое пространство. Сегодня оно нацелено на деполитизацию права и всех правовых явлений, потому реальность такова, что возникшее в нем противоречие между интернационализацией и традиционализмом – это противоречие «между нормами, укорененными в обществе, и тенденциями пропагандируемых и наблюдаемых изменений в российской реальности», что является «серьезным фактором того растущего социокультурного раскола, который с тревогой отмечают социологи, и из-за которого они считают нынешнюю относительную российскую стабильность хрупкой и неустойчивой»².

Современное информационное пространство и весь информационный ресурс, обеспечивая интернационализацию правовой среды, представляют собой благодатную почву для возникновения глобальных современных вызовов человечеству, и используются, прежде всего, именно с такой целью. Об этом свидетельствуют вопиющие факты сокрытия истинной информации (к примеру, о событиях в Южной Осетии 2008 года, на Украине, в Киеве, в Одессе, в Крыму, в Донбассе в 2014 г. и др.), ее откровенной фальсификации, что лишает население многих стран возможности формирования объективного представления о происходящих в мире событиях, об отношении к ним руководителей разных стран и принятых ими решениях.

Состояние современного правового информационного пространства представлено в изменениях качественных параметров информационной роли права, сопроводительной правовой информации, циркулирующей в правовом пространстве, в его видовом структурировании, в описании функциональных, предметных особенностей правовых информационных потоков,

¹ Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2000. С. 285.

² Зорькин В.Д. Право силы и сила права. Лекция 28 мая 2015 // zakon.ru 2015/06/11.

способов передачи, восприятия и отражения правовой информации¹. Исследователи свидетельствуют о различии наблюдаемых тенденций. Хотелось бы уверовать в нацеленность указанных процессов на восстановление отечественной культурной, национальной, исторической, государственной идентичности и суверенности, потому как произошла смена вектора концептуальных оценок в равной степени, как и оценок системы социальных регуляторов. Баланс в соотношении интернационализации и традиционализма в информационном пространстве необходим в первую очередь для обеспечения национальной безопасности и суверенитета страны².

2. Одним из ощутимых достижений процессов интернационализации следует считать объявленное научному сообществу предложение о различении теорий правового государства и верховенства права. Наступившее концептуальное прозрение по поводу различий между названными теориями вызвало разное доктринальное их объяснение. Напомним, что стержневой задачей теории правового государства считается достижение баланса между категориями «власть» и «право»³, при котором власть не должна превалировать над правом, должна быть ему подчинена, а право должно обеспечивать такую легитимацию власти, при которой она оказывалась бы способной использовать инструментарий права на всеобщее благо. В свою очередь для внедрения власти права используется теория верховенства права.

Практической реализации указанных теорий служат механизмы легитимации, конституированные нормами конституционного права. К примеру, право власти легитимировано институтами, определяющими ее систему, принципы организации и деятельности каждого элемента этой системы, их соподчиненность, компетенцию органов власти, порядок ее осуществления, формы деятельности, форматы взаимоотношений между ветвями власти, ответственность субъектов властеотношений. Для легитимации власти права предназначены: иерархия юридических источников права, процедуры правотворчества и законотворчества, признания юридической силы различных видов нормативных правовых актов и другие. Взаимосвязь указанных механизмов сложилась исторически и привела к известному объединению двух указанных теорий и их взаимоувязанному применению. Такой результат вполне может быть отнесен на счет интернационализации.

¹ См.: Бутыко Л.В. Трансформация правосознания в современном информационном пространстве. Монография. Кубанский государственный аграрный университет. Краснодар. 2013. С. 28-46.

² См.: Хижняк В.С. Проблемы ограничения государственного суверенитета в международных отношениях и национальные интересы РФ // Правоведение. 2011. № 2. С. 104-110; Бастрыкин А.И. Исправленному верить. Интервью РГ // «Российская газета» – Федеральный выпуск № 6661 (90).

³ Проблемы теории государства и права. / под ред. Д.ю.н., проф., заслуженного деятеля науки РФ Малько А.В. М., 2012. С. 78-80.

На различия между ними ученые обратили свое внимание совсем недавно. В материалах резолюций ПАСЕ 2007 года, в отчете Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) «Верховенство права и Правовое государство», в отчете «О верховенстве права» «была подчеркнута необходимость осмысления различий между двумя доктринами и выделения того общего смысла, который должен лежать в основе широко используемого в международно-правовых документах понятия верховенство права»¹, поскольку пришла пора вспомнить о традиционных началах, заложенных в каждой из теорий. Истоки различий, между англосаксонской доктриной верховенства права и романо-германской доктриной правового государства, – по мнению В.Д. Зорькина, – надо искать в истории формирования и развития права. Если учесть, что в качестве традиционной основы за каждой из доктрин стоят особенности права соответствующей правовой семьи, то и самостоятельное обоснование каждой теории стало возможным благодаря существенному различию этих особенностей.

Из этого следует, что применение двух поименованных доктрин в каждом конкретном государстве должно сочетаться с особенностями права данного государства, и в основу их применения должен быть положен баланс интернационализации и традиционализма, выражаемый категорией «мера». Для оценки современного права России такое заключение выводит на проблемы недостаточности учета в нем собственных, именно российских культурно-исторических, цивилизационных, морально-нравственных ценностей, особенностей российского традиционализма. и иных социальных норм: моральных, религиозных, обычаев, традиций и др.. В оценках перечисленных регуляторов в последнее время произошли существенные изменения. В контексте названной конструкции подлежат переосмыслению и все иные правовые явления, составляющие в совокупности суть правового пространства современного российского государства.

Особенностью правовой системы Российской Федерации следует считать слабость правовой базы, предназначенной для применения указанных теорий, потому современную Россию сложно назвать правовым государством в полном смысле этого слова, равно как и гарантировать приоритет власти права над правом власти. Ключ к решению данной проблемы лежит в восстановлении баланса интернационализации и российского традиционализма при формировании отечественной системы социальных регуляторов и повышении их качества, в первую очередь такого из них как право.

3. Наиболее проблемным итогом интернационализации следует признать ситуацию, связанную с падением авторитета международного права, с

¹ Зорькин В.Д. Цивилизация права: современный контекст. // <http://pravo.ru/news/view/42653/> С. 3.

необходимостью определения статуса международно-правового компонента в правовом пространстве конкретного государства. Процессы имплементации норм международного права в российскую правовую среду, учреждение в ней международно-правового компонента породили необходимость определения его статуса¹, установления его места в правовом пространстве государства. Вопросы рассматриваются в контексте определения научного значения, теоретического дефинирования и практического применения ч.4 ст.15 Конституции РФ, установления ее места в системе норм конституционного права, в структуре института основ конституционного строя.

По нашему мнению, предписание ч. 4 ст.15 Конституции РФ должно быть позиционировано: как конституционная норма в структуре института основ конституционного строя; как одна из фундаментальных основ конституционного строя Российской Федерации, указавшая на формат взаимоотношений с субъектами международного права и зарубежными государствами, как общеправовой принцип российского права, необходимый для построения всей его системы. Именно такая вариативность послужила причиной обособления в юридической литературе категории «международно-правовой компонент в правовой системе страны» и указывает на сложность и противоречивость его содержания и статуса.

Мнения ученых разделились на противоположные. Так, А.И. Бастрыкин высказался категорично о необходимости отказа «от приоритета международного права и его автоматической имплементации в национальное законодательство», закрепленного в Конституции, поскольку это касается вопроса «обеспечения нашего суверенитета, причем, не только правового, но и экономического, политического и в целом - государственного»².

Суть многочисленных споров на этот счет подтверждает анализ норм конституций ряда зарубежных государств-членов Европейского союза (Австрия, ст. 9; Германия, ст. 25; Греция, ст. 8; Италия, ст. 10; Испания, ст. 10; Ирландия, ст. 29; Франция, ст. 54, 55) и членов Евразийского экономического сообщества (Россия, ст. 15; Беларусь, ст. 8; Казахстан, ст. 4; Кыргызстан, ст. 6; Таджикистан, ст. 5, 10).

Сравнение свидетельствует о том, что, **во-первых**, конституции большинства государств мира в той или иной степени подчеркивают значение норм международного права и предлагают варианты решения вопроса их сближения с нормами внутригосударственного права. Это является доказа-

¹ Предварительная позиция авторов по этой проблеме ранее была представлена, см.: Бутько Л.В., Улетова Г.Д. К вопросу о статусе международно-правового компонента в правовой системе России // Современное право. 2014. № 11. С. 10-20.

² "Российская газета" - Федеральный выпуск №6661 (90)

тельством проявления интернационализации. **Во-вторых**, понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» не получили широкого распространения в конституциях зарубежных государств, исключение составляют Конституция РФ (ч. 4 ст. 15) и Конституция Кыргызстана (ч. 3 ст. 6), содержащие положения о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы. Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им отечественного законодательства (ст. 8). Это свидетельствует о стремлении к сохранению собственных традиций и индивидуального подхода.

В-третьих, имеются различия и при определении конституциями ряда стран статуса общепризнанных норм международного права и международных договоров: признаются частью внутреннего права страны (Австрия, Германия, Греция, Португалия) или внутреннего законодательства государства (Испания); включены конституцией в действующее право страны (Конституция Казахстана включает международные договорные и иные обязательства Республики в действующее право (ч. 1 ст. 4); международные договоры объявлены составной частью правовой системы государства, наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права (Россия и Кыргызстан); составной частью правовой системы государства признаны международно-правовые акты (Таджикистан, ст. 10).

В-четвертых, по причине сохранения традиционализма ни одно из государств не раскрывает в своей конституции содержание понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» и, конечно же, не предлагает их перечня. **В-пятых**, определенная защита суверенитета государств обеспечена наличием в их конституциях нормы: а) о невозможности применения международных обязательств, содержащих положения, противоречащие Конституции страны, без внесения в нее соответствующих изменений, б) оговаривающей возможность их применения с учетом принципа взаимности (Испания (ст. 95 Конституции Испании), Франция (ст. 54 Конституции Франции)); в) не допускающей заключение международных договоров, противоречащих Конституции страны (Республики Беларусь, ст. 8).

Таким образом, зарубежное конституционное законодательство убеждает в том, что в международном сообществе не сложилось единообразного отношения к нормам международного права и, прежде всего, к такому явлению, как «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры», участником которых является то или иное государство. Это обусловлено противостоянием процессов интернационализации и традиционализма в вопросах имплементации норм международного права в

национальную правовую среду. Каждая страна в силу своего суверенитета и в рамках своих суверенных прав решает этот вопрос с ориентацией на собственные традиции или на процессы интернационализации.

Таким образом, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, заложив основы сотрудничества России с международным сообществом, вместе с тем, допустила неопределенность таких основ. Возможно, результатом такой неопределенности и явилась констатация того, что «конституция в современном понимании – это конгломерат оригинального конституционного текста и того объема международно-правовых стандартов, который в нем признается действующим наравне с конституционными нормами»¹.

Полагаем, что международно-правовой компонент представляет собой правовое явление, которое носит межотраслевой характер, рассредоточено по тем отраслям российского права, предмет правового регулирования которых предполагает применение норм международного права; он не может быть представлен формулировкой ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в равной степени как не может претендовать и на самостоятельный правовой блок в системе российского права; ч.4 ст. 15 Конституции РФ, представляя собой лишь конституционную основу для применения норм международного права в нашем государстве, нуждается в конструктивном уточнении.

Нужна также нормативная конструкция, которую можно использовать в качестве модели той или иной отрасли российского права, когда возникает необходимость применения норм международного права в пределах ее отраслевого предмета. В такую конструкцию должны быть включены: общепризнанные принципы и нормы международного права, включающие четыре основных блока; нормы универсальных европейских договоров, участницей которых является Российская Федерация; нормы соглашений, принятых в рамках СНГ и Евразийского экономического сообщества, членом которых является Россия; нормы двусторонних межгосударственных, межправительственных и межведомственных договоров Российской Федерации с другими странами.

Такая модель предназначена законодателям и правоприменителям при выборе вариантов и способов имплементации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в российскую правовую среду. Она должна учитываться при разработке нового законодательства и при применении действующего.

¹ Умнова И.А. О современном понимании Конституции Российской Федерации в контексте доктрин конституционализма и судебной правоприменительной практики // Государство и право. 2014. № 11. С. 22.

Таким образом, интернационализация как явление не всегда способна привести к желаемым позитивным результатам в организации правовой среды того или иного государства. Спровоцированная авторами теории глобализации, как один из механизмов ее внедрения, интернационализация навязывается мировому сообществу искусственно и нацелена на принуждение государства к отказу от собственных цивилизационных традиций. А ее кажущееся позитивное влияние на международную и внутригосударственную правовую среду чаще всего носит временный характер. Поэтому применение технологий интернационализации должно восприниматься через призму собственных интересов и отечественных традиционных ценностей. Обеспечение баланса в соотношении интернационализации и традиционализма является одним из обязательных условий национальной безопасности страны.

Гриценко Валентина Васильевна,
профессор кафедры административного и муниципального права
юридического факультета Воронежского государственного университета
доктор юридических наук,
(Воронеж, Россия)

К ВОПРОСУ О ПРИОРИТЕТАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Проблемы качества и доступности медицинской помощи для российских граждан на сегодняшний день являются наиболее значимыми и актуальными. Данные социологических опросов свидетельствуют о том, что их потребности в качественном здравоохранении до настоящего времени не удовлетворены¹. Между тем, в условиях непростой экономической ситуации в государстве происходит постепенное сокращение расходов в указанной сфере государственного управления, влекущее за собой ухудшение общего состояния российской медицины: уменьшение количества медицинских учреждений, сокращение численности их персонала, дефицит необходимой материально-технической базы (технологическое оборудование, транспорт и др.).

Со вступлением в силу Федерального закона от 29.11.2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в РФ»² коренным образом изменился механизм финансирования здравоохранения. Если ранее деятельность существующих медицинских организаций обеспечивалась средствами

¹ См.: Зыкова Т. Квартира не в счет // Рос. газета. 2016. 29 марта.

² См.: Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: федер. закон от 29.11.2010 г. № 326-ФЗ (ред. от 30.12.2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 49. Ст. 6422; 2016. № 1 (часть I). Ст. 52.